

ГЛАВА III

ГРУЗИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

26-го мая 1918 года была объявлена самостоятельная Грузинская республика. Армения и Азербайджан последовали этому примеру. Произошло это вследствие настойчивого требования Вехиб-паши; был передан нашей делегации его ультиматум председателю Закавказской делегации А. И. Чхенкели с требованием признания Брест-Литовского договора. Последний прислал на мое имя телеграмму для передачи Правительству и о необходимости завтра же объявить независимость Грузии, для которой Брест-Литовский договор уже не был бы обязателен. Объявили. При обсуждении этого вопроса в своей фракции Жордания и Церетели голосовали против. Переговоры с турками продолжались; Грузии пришлось согласиться на Брест-Литовский договор. Наши вожди одновременно вели переговоры с германцами, так как турки продолжали держаться агрессивно в отношении Закавказья.

Не могу не отметить одного характерного факта. Еще во время существования Закавказской Республики Баку попало в руки местных большевиков, причем известно было, что главным ядром большевистской вооруженной силы был армянский полк. В Баку и в других районах произошла резня татар с армянами. Между тем Мусульманский корпус не был сформирован; грузинские войска были едва в зачаточном состоянии.

Это было весной 1918-го года. Грузины не в силах были двинуться в Баку для освобождения территории Закавказского Правительства от большевиков, тем более что надлежало быть на стороже против турок и вести боевые действия на Ахалцихском фронте и на Гигринском направлении против Добровольческой армии. Армяне также не давали войска ввиду военных действий с турками. Такова была обстановка. Азербайджанские представители в Правительстве настоятельно требовали посылки войск на Баку для освобождения

последнего из рук большевиков. И вот на одном из заседаний, как хорошо помню, Усубеков, один из представителей Азербайджанского народа в Закавказском Правительстве, заявил, что если Закавказское Правительство не пошлет войск против Баку, то они, азербайджанцы, найдут „другие силы“, которые вырвут Баку из рук большевиков. Намек на турецкие части был достаточно ясен, и я отлично помню тягостное впечатление, которое произвело это заявление на представителей остальных национальностей Закавказской Республики. Несмотря на это, помощь в Баку все же не могла быть послана. Большевики же продолжали продвигаться к Тбилиси и против них по железной дороге на Баку удалось выдвинуть лишь всего 200-300 человек. Как я выше указал, наши вожди вели переговоры с германцами с целью избавить Грузию от турецкого нашествия. Турки между тем продолжали продвигаться.

Отряд ген. Макашвили, окруженный в Ахалцихе, был пропущен с оружием в руках, и мы уступили Ахалцихе туркам. Наши вожди подписали передачу Ахалцихе туркам. Среди подписавшихся были: Рамишвили, Гвазава, Рухиладзе и ген. Одишелидзе. Турки после признания грузинами Брест-Литовского договора, по которому они получили Карс, Ардаган и Батуми, теперь предъявили самостоятельной Грузии уступить им Ахалцихе и Ахалкалаки. Вот почему они требовали объявления независимости Грузии. Они заняли Ахалцихский уезд, а после взятия Александрополя продолжали продвигаться на север и были уже на Храме. При этом они в переговорах ссылались на то, что это продвигаются не их войска, а местные жители татары.

Представитель немцев граф Шуленбург сочувственно относился к нашим желанием и, узнав от меня, что Вехиб-паша телеграммой категорически указывает, что продвигающиеся войска не суть турецкие войска, а местные жители, согласился оказать нам поддержку своими войсками для усмирения „населения“. Я лично показал графу Шуленбургу телеграмму Вехиб-паши на имя нашего Правительства, где указывалось, что севернее такой-то параллели нет турецких войск.

И вот я образовал отряд в составе одного армейского батальона, одного гвардейского с батареей Махарадзе и гвардейского конного дивизиона; в состав этого отряда вошли также один немецкий баварский егерский батальон и броневые поезда Гогуадзе. Общим начальником был полковник Степан Чхидзе. Наступление увенчалось успехом; турецкие части были отогнаны за Самани, захвачен был даже их обоз, направлявшийся в сторону Казаха. Во время этого боя Храмовский мост был взят и через него перебежали первыми наши молодые армейского батальона. Перед боем я сказал своим грузинам, что мы должны отличиться перед немцами и что Храмовский мост они должны взять раньше германцев. Вот грузины бросились толпой через мост, защищаемый противником. Потом начальники немцев

говорили, что грузины храбрый народ, но не умеют воевать. Естественно, грузинские батальоны были составлены из молодых добровольцев, едва выучившихся владеть оружием. Затем при преследовании Гогуадзе влетел на станцию Санаин и заставил целые сотни турок сбросить оружие. Пленного турецкого офицера в военной форме доставили ко мне в вагон, и я его привез в Тбилиси, как вещественное доказательство присутствия на поле сражения частей турецких войск. Должен отметить, что во время этого боя у немцев было убито 7 человек, торжественно затем похороненных в Тбилиси.

Не могу не отметить одного обстоятельства. Во время боевых действий случились трения между командованием отряда и начальством гвардейского батальона и это в то время, когда между тем же командованием и немцами никакого недоразумения не происходило. Мне лично пришлось приехать, дабы уладить эти трения, ибо Гвардия, как и всегда впоследствии, подчинялась военному командованию постольку поскольку. Вместе с этим мной тогда же было указано начальнику отряда действовать самым решительным образом в отношении местного населения и отобрать у него оружие. Я требовал, в случае отказа выдать оружие, употребить артиллерийский огонь и заставить силой исполнить наше требование. Бывший там Вадико Джугели воспротивился такому образу действий. Впоследствии в своем „Тяжелом кресте“ он, описывая эти события и говоря про меня, употребил следующее выражение: „Ген. Квинитадзе требовал применения к местным жителям самых суровых мер, но мы умерили его пыл“. Никакого пыла не было; в своем воображении и, вероятно, для красного словца наш горе-писатель назвал „пылом“ то, что каждый начальник должен был сделать в отношении выступившего с оружием населения. Впоследствии его „Тяжелый крест“ был красочно освещен в местной прессе. Вад. Джугели был карикатурно изображен с огромным крестом на спине и внизу надпись: „Куда несешь?“ и ответ — „В редакцию 'Борьбы'“. „Борьба“ — социал-демократическая газета.

Местные помещики Салахлинского района жаловались мне на грабежи, производимые гвардейским батальоном. Отмечаю: первое же выступление гвардейской организации совместно с армейскими частями вызвало трения между обеими этими организациями, совершенно различными по своему духу и по условиям своей жизни. Грабежи же есть естественное следствие отсутствия дисциплины. Этот факт мной, конечно, был освещен в Правительстве, но он прошел бесследно и не произвел никакого воздействия при решении вопроса какую организацию вооруженных сил принять, гвардейскую или армейскую.

Итак немцы помогли нам. Хочу указать еще один факт их сочувственного к нам отношения. Как известно, наши вожди вели перегово-

ры с немцами, заключили с ними договор и одновременно должны были в переговорах с турками согласиться на Брест-Литовский договор. По одному из пунктов договора с турками мы должны были пропускать их эшелоны по железной дороге по нашей территории. И вот сейчас же турки потребовали пропуска своих эшелонов на Баку. Совершенно не отвечало видам Правительства пропускать турецкие эшелоны по нашей территории; оно искало средства избежать этого. Между тем согласно переговорам с немцами было решено везде по железной дороге на конечных станциях, а также и в некоторых центральных местах поставить небольшие немецкие караулы из немецких военнопленных. Это было еще до прихода к нам баварской бригады. Когда турецкий эшелон подошел к Натанеби и потребовал пропуска, то перед нами встал вопрос, как быть. Я поддал мысль попросить немцев помочь нам; затем обратился к их представителю, графу Шуленбургу, и предложил ему такой способ действий. В Натанеби грузинский местный военный начальник объявит начальнику турецкого эшелона, что со стороны грузинского Правительства к пропуску эшелона препятствий нет; после того к тому же начальнику подойдет начальник немецкого караула и объявит о невозможности эшелону двигаться дальше по мотивам, какие найдет лучшими само немецкое командование. Так и сделали, и турецкий эшелон принужден был вернуться в Батуми. Кажется, немцы обьявили, что путь неисправен; не ручаюсь за достоверность. Это было тогда для меня не интересно, важно было, что турок не пропустили.

*
*
*

Помощником Военного Министра я был в течение мая и июня 1918 года. За это время наряду с вопросами по внешней обороне страны приходилось заниматься делами по организации войск, по ликвидации Кавказского фронта и сохранению военного имущества, а также текущими вопросами. Текущие вопросы занимали почти все время. Для иллюстрации укажу следующее. Когда я вступил в свою должность, то в наследие получил три кипы неисполненных бумаг, каждая толщиной не менее четверти аршина. Все это ждало резолюций; одновременно набиралась ежедневная текущая переписка. Наряду с этим в приемной ожидали приема от 60 до 100 просителей со всякими просьбами и проектами. Тут были и просьбы о пособиях, и квартирные вопросы, и ликвидирующиеся, и изобретатели, и самые разнообразные: и жалобы, и доносы, и просьбы о вылаче денег, и оружия, и снаряжения, и одежды для формирующихся частей, и т. д., и т. д. Приходили и военные, и штатские всех ведомств и всех национальностей, и мужчины, и дамы. Надо было экстренно решать вопросы. Тут по радио, там по авио, по военному суду, также по всем от-

делам Главного начальника Снабжений, и по кадетскому корпусу, и по фельдшерской школе, и по распределению летних помещений в Каджорах, и т. д. Сейчас всего и не упомяну.

После 26-го мая управление Грузинским корпусом было упразднено, и я приступил к формированию штаба. Таким образом, едва сформировав штаб войск Закавказской Республики, пришлось, после объявления независимости Грузии, формировать грузинский штаб. Одним словом, я едва успеваю с делами, совершенно не хватало времени и мне приходилось есть один раз в день часов в 7-8 вечера и то, почти сидя, вторых. Брал с собой на службу карманные завтраки: это не помогло и всегда приносил их домой нераскрытыми. Наряду с этим водоворотом просьб, разговоров, споров, совещающийся создавались неоднократно пререкания с лицами революционно-го и не революционного порядка. Иллюстрирую некоторые картины.

Около середины мая, как я уже раньше говорил, было решено ликвидировать Кавказский фронт. Я уже упомянул о трениях с Главнокомандующим и его штабом.

Когда получился конфликт по поводу приказа ген. Лебединского о ликвидации фронта, то я получил приглашение от бывшего Главнокомандующего ген. Пржевальского пожаловать для присутствия на общем заседании со старшими начальниками Кавказского фронта, которое должно было произойти у него на квартире на Барятинской улице. Я пришел. Трудно сейчас вспомнить все подробности этого заседания. Предметом заседания было, как поступить ввиду отмены Закавказским Правительством приказа ген. Лебединского о ликвидации Кавказского фронта. Здесь выяснилось, что ген. Лебединский до издания своего приказа должен был отдать этот приказ с согласия Закавказского Правительства. На этом заседании, в момент отсутствия ген. Пржевальского, произошло столкновение между ген. Лебединским и мной. Ген. Лебединский вообще оправдывал свое поведение и не совсем верно передавал то, что происходило. Я, конечно, взял слово и стал восстанавливать истину. Произошли пререкания с Лебединским, которому мне, не помню, на какую фразу, пришлось ответить: „Да ну, будешь теперь так говорить“. Он ответил: „За это 'ну' я у тебя требую (или, не помню, „потребую“) удовлетворения“. Я сейчас же возразил, что такими словами нельзя так легко играть и что я принимаю его вызов, и готов дать ему удовлетворение сейчас же, сию же минуту, в этой же комнате, при всех свидетелях. Оказалось тогда же, что он был далек от этого. Ген. Пржевальский, вошедший в это время, вмешался и предложил комиссию под своим председательством с целью выяснить, был ли сделан мне вызов или нет. Ген. Лебединский утверждал, что он такового не делал. В комиссию вошли, кроме ген. Пржевальского, полк. Шатилов и я просил власти туда ген. Ляхова, бывшего также свидетелем.

На этом же заседании было решено издать дополнительный приказ ген. Лебединского с поправками по указанию Правительства. Выше-

указанная комиссия нашла, что ген. Лебединский не сделал вызова и что во всяком случае он, если я понял его слова как вызов, берет их назад. Я должен добавить, что в этой комиссии ген. Ляхов не принимал участия, как мне сказал ген. Пржевальский, потому что его не могли найти; вместо него в комиссию, по приглашению ген. Пржевальского, вошел ген. Томилов. Я остаюсь при своей мысли, что вызов был сделан, и думаю, что комиссия прежде всего руководствовалась тем, чтобы ликвидировать инцидент и не допустить дуэли между такими лицами, как Главнокомандующий Кавказским фронтом и помощник В. Министра Закавказской Республики. Вот одна картина. Нарисую еще одну.

Надо сказать, что приказ ген. Лебединского, изданный вполне самостоятельно, без санкции Правительства, которому он до сего времени беспрекословно подчинялся, оказал нежелательные последствия на среду офицеров. До сих пор весь фронт через ген. Лебединского подчинялся Закавказской власти; сначала комиссарату, потом Правительству Закавказской Республики. Этот же приказ вдруг давал другой тон взаимоотношениям между местной властью и военными Кавказской Армии, и среди офицеров произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Офицерство стало себя считать не только не обязанным подчиняться Закавказской власти, но и не вправе подчиняться. Правда, не все так думали.

Общий тон приказа был таков, что Кавказский фронт ликвидируется вполне самостоятельно самим Главнокомандующим вне местной власти, той самой власти, которой фронт до сего времени подчинялся. Это утверждаю. Приказ подписан 13 или 14-го мая 1918-го года, а самостоятельная Закавказская Республика объявлена была еще в апреле, кажется, 10 или 11-го. Это обстоятельство впоследствии породило большие трения между отраслями Военного Ведомства и высшей военной властью; о них я скажу позже.

Мне доложили, что офицеры штаба Главнокомандующего не хотят больше служить. Я счел нужным собрать их и сказать им несколько слов. Сказал им следующее. Я им нарисовал тяжелую обстановку, создавшуюся в Закавказье для народов, населяющих последнюю: турки давят с юга; большевики в Баку; внутри волнения большевистского характера. При таких тяжелых обстоятельствах и узнаются друзья. Если русские — друзья закавказских народов, они должны в эту тяжелую минуту протянуть нам руку, помочь нам, и мы не только уверимся в их дружбе, но естественно, как следствие такого их поведения, явится то, что нам придется взять на себя по отношению к ним взаимные обязательства. Затем, даже с точки зрения политической, такое поведение русского элемента в Закавказье упрочит взаимоотношения будущей России и Закавказья, и, Бог знает, не придется ли им перед будущей Россией отвечать за то, что они предоставили Закавказье своим собственным силам и не приняли активного участия и тем не положили начала будущих взаимоотношений

между будущей Россией и народами Кавказа. Что же касается вопроса, не явятся ли они нарушившими свою присягу, служа Закавказской власти, то на этом вопросе теперь останавливаться не следует, потому что, изменив своей присяге царю с начала революции, мы все являемся, строго говоря, изменниками царю; но это была историческая неизбежность. При этом надо иметь в виду, что наша присяга необходима была царю не в те дни, когда все было благополучно, а именно была дана на тот случай, когда ему что-либо угрожало; и вот в этот момент мы нарушили нашу присягу. Нельзя оправдываться тем, что он нас освободил от присяги; это только закрывать глаза на то, что отрекся он от престола не по собственному желанию, а по принуждению. Кроме того, сейчас вся Россия распалась на части и каждая часть может упрекать другую и называть своего противника изменником; но это, конечно, будет неверно. В моих словах я обращался к их сердцу и к их политической прозорливости. Многие потом мне говорили, что они совершенно были со мной согласны; однако после моего ухода было устроено собрание офицеров, и, как мне потом передавали некоторые участники этого собрания, мои бывшие сослуживцы, старшие начальники, напротив, подогрели их в обратном направлении, т. е. не служить.

Приказ ген. Лебединского породил еще следующие явления. Нам нужно было организовать против большевиков, наступавших со стороны Баку. Сил не было, как я уже говорил об этом; и вот в этот момент русские не находясь возможным выступить и действовать против большевиков; правда, не все, но подавляющее большинство. Странно было то, что выступать против большевиков в рядах Алексея они шли с охотой, а в отрядах Закавказских войск против бакинских большевиков считали для себя неприемлемым. Начальник авиации полк. Кошоватов явился ко мне и заявил, что он мне, как своему старому знакомому, как Георгию Ивановичу, которого он знает, будет подчиняться, но что это он совершенно не обязан делать. Мне пришлось ему ответить, что таких подчиненных нам не надо, и так как я уже имел сведения, что на аэродроме и в их парке находилась делянка имущества, то сейчас же распорядился оставить там караулы при имуществе, оставил во главе авиации другое лицо и предложил остаться на службе тем, кто желает. Тут должен отметить, что оставшийся добровольно на нашей службе летчик Русанов впоследствии взлетел с аэродрома для учебного полета и на лучшем аппарате улетел на Северный Кавказ. Отдал приказ о неблаговидности поступка этого господина, не соответствующего достоинству русского офицера. Подобные устные подчинения повторились и в радиотелеграфе, и в других отделах. Надо было всюду сменить командование и организовывать новые управления. Вот в каких условиях приходилось работать. Одновременно надо было организовывать свои войска и этим приходилось вести мне непосредственно, так как должность командира Гру-

зского корпуса после объявления независимости Грузии была упразднена.

Весной 1918-го года большевизм сильно отразился и на формирующихся грузинских частях. Их формировали из грузин, солдат, уходящей со всех фронтов Русской армии Западного фронта, иначе и формировать нельзя было. Большевизм в Кавказских войсках пошел по той же дороге, как и в российских войсках, но без тех ужасов, убийств и измывательства над офицерами, которые происходили в рядах обезумевшей русской армии Западного фронта. Я не буду описывать картины непослушания и даже бунтов в некоторых грузинских частях, но отмечу следующее.

В феврале эти выступления солдат приняли форму сдирания погон с офицеров; в Тбилиси это в один день приняло такую форму, что ген. Лебединский отдал приказ о снятии погон впрямь до установления новой формы. Как я слышал, правящие круги, т. е. имевшие в то время в руках фикцию власти, остались весьма недовольны; они говорили, что они сумели бы защитить офицера от грубых посягательств. Думаю, что повсеместно это не удалось бы; даже в Тбилиси. Уже на Бяратинской улице толпа солдат стояла и отбирала погоны, причем очевидцы передавали, что видели целые кучи отобранных погон. С этого времени офицерам пришлось погон не носить. Настроение солдат и обшая обстановка была такая, что в апреле один из ответственных политических деятелей Павле Сакавзелидзе был совершенно разочарован и со мной в разговоре выразил свое убеждение, что нам никогда не удастся создать армию. Между тем я уже видел проблески отрезаления и возразил ему, что он не прав и что не следует терять надежды. Вступив в должность помощника В. Министра, я сделал шаг и отдал приказ надеть погоны. Надели, обошлось без инцидентов. Спустя некоторое время отдал приказ о взаимном приветствии военнослужащих, причем приветствие должен был начинать младший. Тоже прошло. Таким образом революционное опьянение проходило, время работало на нас и можно было надеяться мало-помалу организовать войско.

Указывая на то, как вследствие приказа ген. Лебединского усложнилось, так сказать, дело перехода к новой военной власти, я хочу изложить еще один факт, касающийся непосредственно штаба Кавказского фронта. Это касается запаса орденов и медалей, хранившихся в штабе. Я сидел в Министерстве в своем кабинете, когда мне доложили, что один господин желает меня видеть по неотложному военному делу. Я сейчас же его принял. Он доложил мне, что в штабе собираются завтра с утра сдать в один из банков все ордена и меда-

ли, находящиеся в штабе фронта. Между тем штаб уже принимался новым начальником. Я сейчас же отправил туда комиссию под председательством ген. Ахметели с приказанием немедленно перевезти орден и медаль в Министертво и произвести подробную опись. Так и сделали, а затем все это сдали нашему Правительству. Этот факт достаточно ярок, чтобы показать, как относились учреждения Кавказского фронта к новой власти. Я не буду останавливаться на том, что было сделано мной в области собственно военной.

Указав сложную обстановку, в которой приходилось работать, я подчеркну трудности еще следующим обстоятельством. Когда я вступал в свою должность, мне было сказано, что я буду вполне самостоятелен в военных делах. Я уже указал, как я был занят также оперативными делами. Я поехал на Ахалцихский фронт лично руководить наступлением, которого добивался с большим трудом и которое в день моего приезда в Боржоме отменили. Теперь укажу, что эта моя самостоятельность была лишь пустым звуком. Военный Министр неоднократно отдавал приказы помимо меня о формировании каких-то частей, производил в чины тех или других лиц, давал награды, даже георгиевские кресты, и т. п. И все это делалось, несмотря на мои неоднократно повторенные требования не делать этого. Был даже однажды случай производства в следующий, довольно высокий, чин полковника, одного офицера штаба, не только не осведомляя меня или начальника штаба, но быть может, даже помимо последнего. На мой протест В. Министр довольно характерно ответил: „Что ж, может быть, начальник штаба находит это ненужным, а я нахожу это лишь справедливым и это мое право“. Я, вероятно, не сумел объяснить ему весь вред такого образа действий, но существу очень мало отличающегося от произвола персидского сатрапа и подрывающего авторитет начальников.

Конечно, мое различие во взглядах и ежедневные столкновения с правящими должными были так или иначе разрешаться. Так оно и случилось. Однажды я был приглашен на заседание, где должно было разбираться положение об организации Гвардии. О предмете заседания я узнал в последний момент. В это время немцы были в Тбилиси и с ними приходилось считаться. Они косились на Красную Гвардию и на красный флаг над дворцом. И решено было эту родившуюся из революции организацию превратить в государственное учреждение. Это было около 20-го июня. Гвардия тогда подчинялась Совету рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет, председателем которого был Н. Н. Жордания, продолжал существовать, хотя армия, представители которой заседали в Совете, давно уже ушла в Россию. Собственно фактическая власть в стране принадлежала этому Совету и лишь благодаря тому, что одни и те же лица были и в этом Совете и в Правительстве, острого конфликта не происходило. Надо отдать справедливость: Гвардия за это время во внутренней жизни государства сыграла довольно значительную роль. Помимо своей задачи сто-

ать на страже революционных завоеваний, она неоднократно поддерживала в стране правопорядок и душила в самом зародыше всякие выступления против порядка как среди населения, так и в некоторых частях формирующихся войск, где состав солдат, прибывших из частей русской армии, был отравлен большевизмом. Поскольку я помню, она усмирила большевистские выступления среди полков в Гори и в Телаве; если не ошибаюсь, это было весной 1918-го года. Своими действиями она, конечно, укрепляла центральную власть, что нельзя не отнести к ее заслугам. Желание ли ввести ее в нормальные условия государственной жизни или же давление немцев, или, может быть, какая-либо другая причина, не буду утверждать — факт тот, что было решено создать положение о „Народной“ Гвардии.